

О МОИХ СОВРЕМЕННОКАХ

Г.И. Ханин
Новосибирск

Об Игоре Бирмане

Нас было пять друзей-экономистов: Василий Селюнин, Игорь Бирман, Виктор Белкин, Виктор Волконский, Григорий Ханин. Я среди них был самым молодым. Четверо были 1927 года, я 1937 года. Но нас всех при всех отличиях в возрасте и круте научных занятий можно было назвать шестидесятниками: мы очень критически относились к существующей действительности и были сторонниками рыночной экономики уже в 60-е годы. Самыми колоритными среди нас были Селюнин и Бирман. О Селюнине я уже писал. Бирман занимался экономико-математическими методами. Он и в этой сфере был оригинальным, с большим чувством юмора: в своей книге он мог написать «колхозник Рабинович». Был большим жизнелюбом (мой товарищ говорил: «Русский язык очень богатый: можно сказать “развратник” – и это очень плохо, а можно сказать про то же “жизнелюб” – и это уже неплохо). Любил и хорошо знал художественную литературу – русскую и западную. Ему очень повезло (и это было его крупнейшим достижением) с женой. Это была очень доброжелательная, приветливая и самоотверженная женщина. Из-за строптивного характера его исключили из партии, создавали сложности с защитой докторской диссертации (по правде сказать, не выдающейся, но он был здесь не худшим). В результате он решил в 1973 году уехать на Запад, незадолго до отъезда он говорил мне: «Тебе надо было бы

уехать, ты умеешь работать с цифрами – это то, что интересно Западу». Но он уехал, а я остался. И на Западе в возрасте 50 лет он совершил свой самый большой научный подвиг. Овладев цифрами уже на Западе, он сумел утереть нос «западникам» в целом ряде очень важных вопросов состояния советской экономики, показав, что советские экономисты совсем не глупее западных. Мы снова встретились в 1990 году в Америке, и он и его жена очень тепло меня встретили. Потом в Стокгольме мы работали в соседних кабинетах и часто гостили друг у друга. Часто встречались в Москве в 90-е годы, где он с женой часто бывал. Он очень тепло отзывался обо мне в своих очень интересных воспоминаниях. Потом по идеологическим причинам наши отношения испортились, что не мешало мне очень высоко отзываться о нем в статьях и книге.

О Гайдаре и Чубайсе

Первый раз мне довелось увидеть и взаимодействовать с Егором Гайдаром в 1988 году. Я отправил по предварительной договоренности Селюнина с его другом Отто Лацисом – тогдашним первым заместителем главного редактора журнала «Коммунист» – статью с анализом своих альтернативных оценок развития советской экономики за 60 лет, с 1928 по 1987 год. В статье «Лукавая цифра» были представлены только самые яркие места этих расчетов. Здесь они впервые были представлены в

полном виде. Центральный теоретический орган ЦК КПСС – журнал «Коммунист» был – чрезвычайно влиятелен всегда в годы советской власти, а с начала перестройки он стал рупором перестроечных сил в партии и вне ее.

Отправив ее, я уехал в гости к своим родным в Израиль и изредка звонил в журнал. При очередном звонке мне сказали. «Срочно приезжайте, статья идет в номер, и по ней есть вопросы». Я досрочно свернул свою поездку и вернулся в Москву. Уже на следующий день после прибытия я отправился в журнал. Меня направили к заведующему отделу экономики Гайдару, имя которого мне ничего не говорило, кроме совпадения с фамилией моего любимого писателя детских лет.

Я вошел в огромный (вспоминаю крошечный кабинет Юрия Буртина в «Новом мире») кабинет и увидел невысокого роста упитанного молодого человека, который и оказался Егором Гайдаром. Он густо покраснел при моем представлении, что я отнес к своей славе как соавтора «Лукавой цифры». Чувствуя себя крайне неловко, он сказал, что есть одно место, которое вызывает трудности с точки зрения публикации. Речь зашла как раз о той таблице, которая была мне очень дорога и собственно и являлась нервом статьи. «ЦСУ будет визжать при ее публикации. Нельзя ли как-нибудь обойтись без нее без потери основного содержания». Не могу сказать, что это было совсем исключено, то же можно было сказать (хотя и хуже) про текст. Но уж очень мне не хотелось терять такой ценный кусок. Я решительно отказался и сказал, что без таблицы статья теряет для меня смысл и мне придется отнести ее в другой журнал. Тогда Гайдар предложил мне пойти непосредственно к Лацису, и тот быстро решил, что ее можно печатать без

изменения, с сохранением таблицы. Гайдар не стал возражать, и статья вскоре благополучно вышла, имела среди профессионалов столь же большое значение, как и «Лукавая цифра». Из этой встречи я сделал вывод, что Гайдар отнюдь не орел. Тем большим было мое удивление, когда уже в Стокгольме, где я год работал в институте по изучению экономики ССР и Восточной Европы, осенью 1991 года от директора института Андерса Ослунда (впоследствии советника российского правительства) узнал, что Гайдар проектируется в качестве главы экономического блока правительства России. Спустя некоторое время Ослунд, очень близкий к группе Гайдара, пригласил меня в свой кабинет и от имени этой группы предложил войти в «команду Гайдара». Конкретный пост не оговаривался, весьма вероятно это был бы глава ЦСУ. Думаю, Гайдару хотелось иметь в составе своего блока правительства популярных деятелей. К его чести он не стал делать негативных выводов из нашей не совсем приятной для него беседы в «Коммунисте». Я ночь почти не спал, обдумывал это предложение. К этому времени у меня уже сложилось резко отрицательное отношение к «шоковой терапии» и оказаться причастным к ее осуществлению, мне решительно не хотелось. К тому же, у меня вызывали большое сомнение способности Гайдара как государственного деятеля. Утром я отклонил это предложение. Так я потерял возможность уехать в Москву и неплохо там устроиться, о чем никак не сожалею. Думаю, Гайдар не забыл этот отказ. Больше он ко мне не обращался. Последний раз я его видел в середине 90-х годов. Я оказался в Москве и попал на дискуссию по поводу перспектив экономических реформ в России. Направляясь в зал, я увидел идущего навстречу Гайдара. Я был настолько взбешен плачевны-

ми результатами этих гайдаровских реформ, что сделал вид, что его не заметил. До сих пор не могу себе простить этого. После этого мы встречались заочно на страницах печати. Я написал большую рецензию на его книгу. Вряд ли он ее читал.

Чубайса я видел один раз. Вот как это было. Глубокой осенью 1991 года директор нашего института Ослунд пригласил меня на встречу с «очень интересным человеком» из Петербурга Чубайсом, имя которого мне абсолютно ничего не говорило. Мы пошли вместе домой к Ослунду. На месте мы выпили пару рюмок какого-то спиртного напитка и беседовали на профессиональные темы в ожидании Чубайса. Чубайс оказался высоким молодым худощавым человеком. Ослунд нас познакомил. Основную часть разговора вели Ослунд и Чубайс. Я с любопытством присматривался к молодому поколению экономистов. Два обстоятельства меня поразили. Во-первых, подблудный тон разговора со стороны Чубайса. Во-вторых, его бедный словарный запас и отсутствие запоминающихся мыслей. Я думал: боже мой, Россия вступает в период великих испытаний и такие довольно мелкие люди поведут вперед Россию. От Ослунда мы пошли вместе, и я посоветовал опираться на таких, как Ослунд, знакомых с настоящей рыночной экономикой. Вскоре Ослунд стал советником российского правительства, и я пожалел о своем совете, советник он был неудачный. Вряд ли мой совет имел большое значение: прекрасные отношения Ослунда с командой Гайдара возникли намного раньше.

О Шляпентохе

Помимо своего высокого профессионализма и яркости он был в (отличие от меня) тонким ценителем и литературы, и музы-

ки. Я ведь во многом был (и частично остаюсь) провинциалом. Учась в Ленинграде, я мало повседневно общался в ленинградской интеллигенцией (кроме, естественно, преподавателей). Даже в 1998 году, когда я его видел в Мичигане последний раз, его стол был завален российскими литературными журналами и новейшей художественной литературой.

Вторым человеком, оказавшим на меня большое влияние, был Юрий Буртин. Его имя мало известно сейчас, а между тем он был одним из самых интересных литературных и общественных деятелей 60–90-х годов. Он был литературным критиком, специализировался на Твардовском и был редактором отдела публицистики журнала «Новый мир» в момент начала нашего знакомства. Именно ему я принес свою первую рецензию. Он показал мне, каким должен быть хороший редактор и журналист. Он не только вдумчиво читал принесенные или присланные материалы, но очень умно подталкивал к выбору тех или иных тем в направлении тогдашнего «Нового мира» – антисталинском и реформистском. Мы подружались, и я несколько раз был у него дома, раз вместе ходили в театр. Его беседы дали мне много в окультуривании, знании событий вокруг «Нового мира» и в правящей верхушке СССР. Он был очень интеллигентным и твердым человеком. Потом его изгнали из «Нового мира» вместе с Твардовским, и он успешно работал в качестве скромного редактора Литературной энциклопедии, но мы с ним больше не встречались до конца 80-х годов. В период перестройки он стал очень видным деятелем демократического движения, близким сотрудником Сахарова. Один раз мы тогда с ним встретились. Пару раз он звонил мне по телефо-

ну с просьбой написать статьи для издаваемой им газеты, но что-то тогда не получилось. Он тяжело болел и умер в конце 90-х годов. Когда в прошлом году мы ездили в Ригу, в газетном киоске по дешевке я купил сборник его работ 90-х годов и уже в Риге прочитал его с огромным интересом и восхищением. Даже собирался написать рецензию на эту книгу, но так руки и не дошли, к сожалению и стыду.

О Бовине

Бовин – один из самых известных и талантливых журналистов-международников позднесоветского периода (среди советских журналистов-международников было много талантливых людей). Его статьями в «Известиях» зачитывалась интеллигенция, а его телевизионная передача «Международная панорама» была исключительно популярна. Мало кто знал в этот период, что он был референтом и спичрайтером Брежнева (это он придумал знаменитую фразу «экономика должна быть экономной»). Я включил его в число своих возможных союзников, так как его статьи носили скрытый оппозиционный характер. Приехав в очередной раз в Москву, я позвонил ему в «Известия» и попросил о встрече, сославшись на важный материал, который я хочу ему показать. Зайдя в его кабинет, я увидел очень толстого мужчину с большими усами и умным лицом. Он приветливо встретил меня. Кратко объяснив ему свою работу, я дал ему свой «нелегальный текст». Он

его перелистал 2-3 мин и вдруг сказал к моему удивлению: «Не могли ли бы Вы погулять часик, и мы встретимся снова». Я погулял по улице Горького, зашел, естественно, в книжный магазин и через час был у него в кабинете. За время моей прогулки я понял, что мое отсутствие ему понадобилось для того, чтобы за это время переснять мой текст на ксероксе (они тогда были величайшей редкостью).

Когда я пришел к нему снова, он встретил меня еще более приветливо и сказал, что текст очень интересный, видимо, обоснованный, но так как он не экономист, то не может его оценить профессионально. И здесь он произнес фразу, которая меня поразила откровенностью и обреченностью: «Вот он умрет (было ясно, что речь шла о Брежневе), и мы начнем все с начала». А вдруг он еще долго не умрет, значит, страна будет гнить бесконечно? Больше я его не видел. В 90-е годы он был послом РФ в Израиле (и был там чрезвычайно популярен), и я даже подумывал зайти к нему и даже попроситься на работу. экономистом (потом он писал, что ему не хватало экономистов). Хорошо, что я этого не сделал: какой из меня деляга.

Он написал интереснейшие воспоминания (они, возможно, имеются в библиотеке СибАГС), в том числе с отвращением и о постперестроечных «Известиях», где он какое-то время работал после Израиля. Он умер в 2007 году.